

Р1

Т53

№ 6. Библіотека Л. Н. ТОЛСТОГО. № 6.
Подъ РЕДАКЦІЕЙ П. И. БИРЮКОВА.

КРУГЪ ЧТЕНИЯ.

ИЗБРАННЫЯ, СОБРАННЫЯ И РАСПОЛОЖЕННЫЯ
НА КАЖДЫЙ ДЕНЬ

ЛЬВОМЪ ТОЛСТЫМЪ
— МЫСЛИ МНОГИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ —
ОБЪ ИСТИНѢ, ЖИЗНИ И ПОВЕДЕНИИ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ,

ИСПРАВЛЕННОЕ и ДОПОЛНЕННОЕ Л. Н. ТОЛСТЫМЪ.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Октябрь, Ноябрь, Декабрь.

Отдѣленіе типографіи Т-ва И. Д. Сытина. Якиманка, домъ Кириллова.
МОСКВА. — 1913.

МУК «Тульская
библиотечная система»

1-е октября.

Мудрость не боится незнанія, не боится сомнѣній, не боится труда, изслѣдованія, боится одного: утвержденія того, что она знаетъ, чего не знаетъ.

1.

Надо много учиться, чтобы сознать, что знаешь мало.
Монтень.

2.

Никогда не стыдись спрашивать о томъ, чего не знаешь.

Всегда говори правду, хотя бы ты и зналъ, что она будетъ непріятна.

Тотъ, кто ученъ, но не прилагаетъ къ дѣлу своей учености, подобенъ человѣку, который пахалъ бы, но не сѣялъ.

Арабскій Албитисъ.

3.

Кто изслѣдуетъ исторію философіи и естествознанія, тотъ найдетъ, что величайшія открытия были сдѣланы людьми, считавшими лишь вѣроятнымъ то, что всѣми признавалось за несомнѣнное.

Лихтенбергъ.

4.

Все испытывайте, хорошаго держитесь.

1 Фессалон. гл. 5, ст. 21.

1*

5.

Въ духовной пищѣ нѣть недостатка; недостаетъ лишь способности вбирать ее въ себя. Не по недостатку воздуха не можетъ дышать умирающій человѣкъ, а по недостатку способности усваивать его. Всѣ элементы — физическіе, умственные и духовные, которые были или когда-либо будуть въ мірѣ, — находятся въ немъ и теперь. Дѣло мудрости понять, какъ овладѣть ими.

Люси Малори.

6.

Истинная мудрость не въ томъ, чтобы знать, что хорошо и что должно дѣлать, а въ томъ, чтобы знать, что самое хорошее, что менѣе хорошее, и потому, что надо прежде и что послѣ дѣлать.

Содержаніе мудрости больше отрицательное, чѣмъ положительное: знать, что неразумно, что незаконно, что не должно.

2-е октября.

Религія говорить человѣку, что онъ такое и что такое totъ міръ, среди котораго онъ живеть. Нравственное ученіе есть указаніе той дѣятельности, которая вытекаетъ изъ религіознаго пониманія жизни.

1.

Посему говорю вамъ: не заботьтесь для души вашей, что вамъ Ѳсть и что пить, ни для тѣла вашего, во что одѣться. Душа не больше ли пищи и тѣло — одежды?

Взгляните на птицъ небесныхъ: онѣ не сѣютъ, не жнутъ, не собираютъ въ житницы; и Отецъ вашъ Небесный питаетъ ихъ. Вы не гораздо ли лучше ихъ?

Да и кто изъ васъ, заботясь, можетъ прибавить себѣ росту хотя на одинъ локотъ?

Итакъ, не заботьтесь и не говорите: что намъ єсть? Или что пить? Или во что одѣться?

Ищите же прежде Царства Божія и правды Его, и это все приложится вамъ.

Итакъ, не заботьтесь о завтрашнемъ днѣ, ибо завтрашній день самъ будетъ заботиться о своемъ. Довольно для каждого дня своей заботы.

Мо. гл. 6, ст. 25—27, 31, 33—34.

2.

Кто, имѣя хлѣбъ въ корзинѣ, спрашиваетъ: что я буду єсть завтра? — принадлежитъ къ маловѣрющимъ.

Талмудъ.

3.

Лучшее богочтитаніе — то, которое дѣлается безъ надежды на достиженіе какой-либо цѣли; худшее такое, которое имѣть въ виду опредѣленную цѣль.

Тотъ, кто обожаетъ высшее существо, долженъ созерцать его во всякомъ твореніи.

Агни Пурана.

4.

Несомнѣнно то, что преподавать религіозныя системы есть насилие, есть тотъ соблазнъ дѣтей, про который говорилъ Христосъ. Какое право имѣемъ мы преподавать то, что оспариваемо огромнымъ большинствомъ: Троицу, чудеса Будды, Магомета, Христа? Одно, что мы можемъ и должны преподавать дѣтямъ, это то, что обще всѣмъ религіямъ и понятно всякому: нравственное ученіе любви и единенія.

5.

Будда сказалъ: есть трудныя вещи въ мірѣ, — будучи бѣднымъ, быть милосерднымъ; будучи богатымъ и знатнымъ, быть религіознымъ; подавить похоть и плотскія желанія, видѣть пріятный предметъ и не желать пріобрѣсти его; переносить оскорблениія безъ злобы; изучать предметъ до самаго основанія; не осуждать невѣжественаго; избѣгать споровъ; совершенно освободиться отъ самолюбія и быть одинаковымъ ко всѣмъ людямъ въ своемъ сердцѣ и въ жизни.

Китайскій буддистъ.

6.

Бога не слушаются, а обожаютъ. Лучше не обожать, а слушаться.

7.

Живи до вѣку и до вечеру. Работай, какъ будто будешь жить вѣчно, а поступай съ людьми, какъ будто умрешь сейчасъ.

8.

Религія, рассматриваемая сама по себѣ, есть признаніе всѣхъ нашихъ обязанностей заповѣдями Бога.

Кантъ.

Нравственное учение неполно, если оно не религіозно, т.-е. необязательно. Религія не нужна, если она не правственна, не ведеть къ доброй жизни.

3-е октября.

Богатство никогда не даетъ удовлетворенія: потребности возрастаютъ съ увеличеніемъ богатства всегда

такъ, что чѣмъ больше богатства, тѣмъ менѣе достаетъ его на удовлетвореніе потребностей.

1.

Трудно, если не невозможно, найти разумный предѣлъ нашимъ желаніямъ собственности. Въ самомъ дѣлѣ: довольство того или иного человѣка въ этомъ отношеніи зависитъ не отъ абсолютной, а отъ нѣкоторой чисто относительной величины, именно отъ отношенія между его требованіями и его имуществомъ. Поэтому имущество само по себѣ такъ же мало значить, какъ числитель безъ знаменателя. Человѣкъ можетъ быть вполнѣ доволенъ, не имѣя тѣхъ вещей, которыхъ ему и въ голову не приходило требовать и которыя поэому излишни ему; между тѣмъ другой, имѣющій во сто разъ больше, чувствуетъ себя несчастнымъ, потому что у него нѣть того, что ему потребовалось.

Шопенгауэръ.

2.

Кто имѣеть меньше, чѣмъ желаетъ, долженъ знать, что онъ имѣеть больше, чѣмъ заслуживаетъ.

Лихтенбергъ.

3.

Не тотъ бѣденъ, у кого мало, а тотъ, кто хочетъ большаго.

Сенека.

4.

Ничто не можетъ быть «порядочнѣе» какъ то, чтобы имѣть мало потребностей и самому удовлетворять имъ, такъ чтобы быть въ состояніи отдавать, вместо того, чтобы пользоваться всякимъ случаемъ захватывать.

Гораздо болѣе «порядочно» удовлетворять самому своимъ нуждамъ, чѣмъ быть роскошно прислуживае-

мымъ; это можетъ казаться непорядочнымъ нынче и малому числу, но это единственная «порядочность» всегда и для всѣхъ.

Эмерсонъ.

5.

Не собирайте себѣ сокровищъ на землѣ, гдѣ моль и ржа истребляютъ и гдѣ воры подкапываютъ и крадутъ; но собирайте себѣ сокровища на небѣ, гдѣ ни моль ни ржа не истребляютъ и гдѣ воры не подкапываютъ и не крадутъ; ибо гдѣ сокровище ваше, тамъ будетъ и сердце ваше.

Мо. гл. 6, ст. 19—21.

6.

Наживи себѣ то богатство, котораго воры не могутъ похищать, на которое сильные не смѣютъ посягать, которое и по смерти за тобою останется, никогда не убавляясь и не истлѣвая. Богатство это — твоя душа.

Индійская поговорка.

Есть два средства для того, чтобы не страдать отъ бѣдности: увеличивать свое богатство и уменьшать свои потребности. Первое не въ нашей, второе всегда въ нашей власти.

4-е октября.

Любовь даетъ не только духовную внутреннюю радость тому, кто испытываетъ ее, но она же и главное условіе радостной мірской жизни.

1.

Истинная любовь — не есть любовь къ одному исключительному лицу, а душевное состояніе готовности

любви ко всѣмъ — есть то состояніе, въ которомъ одномъ мы сознаемъ божественное начало нашей души.

2.

Не думай, что твоє доброе расположение къ людямъ — это подарокъ, который ты дѣлаешь своимъ ближнимъ: ты дѣлаешь этотъ подарокъ самому себѣ.

3.

Не старайтесь привлекать къ себѣ любовь другихъ: любите и будете любимы.

Изъ „Благочестивыхъ мыслей“.

4.

Обращать горечь жизненного опыта въ благодушіе, неблагодарность — въ благодѣяніе, оскорблениѣ — въ прощеніе, — вотъ въ чемъ святая алхімія высокихъ душъ. И это превращеніе должно сдѣлаться столь обычнымъ, столь легкимъ, чтобы оно представлялось людямъ естественнымъ и чтобы намъ не нужно было за это одобреніе людей.

А міель.

5.

Любить — значитъ жить жизнью того, кого любишь.

6.

Святой человѣкъ не имѣть своихъ чувствъ. Чувства народа становятся его чувствами. Доброе онъ встрѣчаетъ съ добротой, съ добротой же встрѣчаетъ и злое. Вѣрующихъ онъ встрѣчаетъ съ вѣрою, съ такой же вѣрою встрѣчаетъ и невѣрующихъ.

Святой человѣкъ, живя въ мірѣ, озабоченъ своими отношеніями къ людямъ. Онъ чувствуетъ за всѣхъ

людей, и всѣ люди обращаютъ къ нему свои уши и глаза.

Лао-Тсѣ.

7.

Любовь открываетъ намъ благодѣтельную тайну: жить въ согласіи съ самимъ собой и со всѣми людьми.

Изъ „Благочестивыхъ мыслей“.

8.

Безъ любви никакое дѣло не приносить пользы, и всякое дѣло, внущенное любовью, какъ бы оно мало и ничтожно ни казалось, приносить обильные плоды.

Изъ „Благочестивыхъ мыслей“.

9.

Религія есть высшая форма любви.

Паркеръ.

Чѣмъ больше человѣкъ проявляетъ любви, тѣмъ больше люди любятъ его. А чѣмъ больше его любятъ, тѣмъ ему легче любить другихъ; оттого - то любовь безконечна.

5-е октября.

Усилие нравственное потому необходимо, что усилие плотское не переставая совершается. Только перестань работать надъ собой духовно, и плоть завладѣеть тобой.

1

Усвоить истину — дѣло нелегкое для людей, исполненныхъ заблужденій, ибо вредныя вліянія разнаго рода

съ чрезвычайной силой стремятся сохранить надъ ними свою власть. И потому надо съ особенной настойчивостью отыскивать истину и держаться ея.

Люси Малори.

2.

То, что неясно, слѣдуетъ выяснить. То, что трудно дѣлать, слѣдуетъ дѣлать съ великой настойчивостью.

Конфуций.

3.

Пока ты не уничтожилъ до самаго корня похотливую привязанность свою къ женщинѣ, до тѣхъ поръ духъ твой будетъ привязанъ къ земному, какъ сосущій телецъ привязанъ къ своей матери.

Люди, влекомые похотью, мечутся подобно зайцу, попавшему въ западню; увязшіе въ путахъ тѣлесныхъ желаній, они снова и снова подпадаютъ страданію на долгія времена.

Буддійская мудрость.

4.

Путь исправленія себя, правда, труденъ, но онъ труденъ не самъ по себѣ, а труденъ потому, что мы такъ долго предавались порокамъ. Эти-то пороки и усложняютъ намъ путь исправленія. Мы страдаемъ отъ этой борьбы настолько, насколько пороки наши успѣли въ насъ вкорениться. Мы не можемъ думать, что Богъ виноватъ въ необходимости этой борьбы, потому что, не будь въ насъ пороковъ, не было бы и борьбы. Значить, причина борьбы — въ нашемъ собственномъ несовершенствѣ. И между тѣмъ, въ этой борбѣ наше спасеніе, и если бы Богъ избавилъ насъ отъ этой

борьбы, то мы, несчастные, остались бы навсегда съ нашими пороками.

Паскаль.

5.

Съ нашими высшими чувствами бываетъ то же, что бываетъ со всѣми вообще нашими способностями. Если мы не упражняемъ ихъ, мы перестаемъ замѣтать, что мы ими обладаемъ. Люди, никогда не упражняющіе своихъ способностей, становятся нечувствительными къ ихъ существованію.

Люси Малори.

6.

Доброе дѣло совершается всегда съ усиліемъ, но когда усиліе повторено нѣсколько разъ, — то же дѣло становится привычкой.

Не пренебрегай никакимъ дѣломъ, которое можетъ пріучить тебя къ дѣланію добра, а тѣмъ болѣе такимъ, которое можетъ отучить тебя отъ дѣланія зла.

6-е октября.

Болѣзни — естественное явленіе, и надо умѣть относиться къ нимъ, какъ къ естественному, свойственному людямъ условію жизни.

1.

Пренебреженіе къ здоровью тѣла лишаетъ возможноти служенія людямъ. Излишняя забота о своемъ тѣлѣ приводить къ тому же. Для того, чтобы найти

середину, есть одно средство: заботиться о своемъ тѣлѣ въ той мѣрѣ, въ которой это не мѣшаетъ служенію, не противоположно ему.

2.

Когда больной перестаетъ жить и всю жизнь сосредоточиваеть на лѣченіи, ему гораздо выгоднѣе бы было, не только при неизлѣчимой болѣзни, но и при болѣзняхъ излѣчимыхъ, не обращая вниманія на болѣзнь, жить обыкновенной жизнью, которая, если бы даже и сократилась отъ этого (что всегда сомнительно), но была бы жизнью, а не постояннымъ страхомъ и заботой о своемъ тѣлѣ.

3.

Нѣтъ такой болѣзни, которая бы мѣшиала человѣку исполнять то, чѣмъ онъ долженъ. Не можешь служить людямъ трудами, служи примѣромъ любовнаго терпѣнія.

4.

Болѣзни мысли губительнѣе и встречаются чаще, чѣмъ болѣзни тѣла.

Цицеронъ.

5.

Изреченіе Гипократа о томъ, что основное условіе лѣченія то, чтобы оно не вредило, часто не примѣняется и по отношенію къ тѣлу; по отношенію же къ душѣ никогда не примѣняется.

Правило не вредить тѣлу не соблюдалось при прежнихъ кровопусканіяхъ, не соблюдается и теперь при операціяхъ, при приниманіи ядовитыхъ лѣкарствъ и многомъ другомъ. О вредѣ же душѣ, всегда сопутствующемъ всякому лѣченію, никто не думаетъ и не поми-

наеть. А между тѣмъ вредъ этотъ состоить въ оправданіи самаго грубаго эгоизма: требованія служенія себѣ вмѣсто своего служенія людямъ.

Не бойся болѣзни, бойся лѣченія, и лѣченія не въ смыслѣ вредныхъ лѣкарствъ, а главное, лѣченія въ смыслѣ признанія себя вслѣдствіе болѣзни освобожденіемъ отъ нравственныхъ требованій.

Недельное чтение.

Живые мощи.

Край родной долготерп'я —
Край ты русского народа!..

θ. Тютчевъ.

На слѣдующій день я проснулся ранехонько. Солнце только что встало; на небѣ не было ни одного облачка; все кругомъ блестѣло сильнымъ двойнымъ блескомъ: блескомъ молодыхъ утреннихъ лучей и вчерашняго ливня. — Пока мнѣ закладывали таратайку, я пошелъ побродить по небольшому, нѣкогда фруктовому, теперь одичалому саду, со всѣхъ сторонъ обступившему флигелекъ своей пахучей, сочной грушью. Ахъ, какъ было хорошо на вольномъ воздухѣ, подъ яснымъ небомъ, гдѣ трепетали жаворонки, откуда сыпался серебряный бисеръ ихъ звонкихъ голосовъ! На крыльяхъ своихъ они, навѣрно, унесли капли росы, и пѣсни ихъ казались орошенными росою. Я даже шапку снялъ съ головы и дышалъ радостно — всею грудью... На склонѣ неглубокаго оврага, возлѣ самаго плетня, виднѣлась пасѣка; узенькая тропинка вела къ ней, извиваясь змѣйкой между сплошными стѣнами бурьяна и крапивы, надъ которыми высился, Богъ вѣдаетъ откуда,

запесенные остроконечные стебли темно-зеленой копли.

Я отправился по этой тропинкѣ; дошелъ до пасѣки. Рядомъ съ нею стоялъ плетеный сарайчикъ, такъ называемый омшаникъ, куда ставятъ улья на зиму. Я заглянулъ въ полуоткрытую дверь; темно, тихо, сухо; пахнетъ мятой, мелиссой. Въ углу приспособлены подмостки, и на нихъ, прикрытая одѣяломъ, какая-то маленькая фигура... Я пошелъ было прочь...

— Баринъ! а, баринъ! Петръ Петровичъ! — послышался мнѣ голосъ, слабый, медленный и сиплый, какъ шелестъ болотной осоки.

Я остановился.

— Петръ Петровичъ! Подойдите, пожалуйста! — повторилъ голосъ. Онъ доносился до меня изъ угла съ тѣхъ, замѣченныхъ мною, подмостковъ.

Я приблизился и остолбенѣлъ отъ удивленія. Передо мною лежало живое человѣческое существо; но что это было такое?

Голова совершенно высохшая, одноцвѣтная, бронзовая, — ни дать ни взять — икона стариннаго письма; носъ узкій, какъ лезвее ножа; губы почти не видать,— только зубы бѣлѣютъ и глаза, да изъ-подъ платка выбиваются на лобъ жидкія пряди желтыхъ волосъ. У подбородка, на складкѣ одѣяла, движутся, медленно перебирая пальцами какъ палочками, двѣ крошечныя руки тоже бронзового цвѣта. Я вглядываюсь попристальнѣе: лицо не только не безобразное, даже красивое,— но страшное, необычайное. И тѣмъ страшнѣе кажется мнѣ это лицо, что по немъ, по металлическимъ его щекамъ, я вижу — силится... силится и не можетъ расплыться улыбка.

— Вы меня не узнаете, баринъ? — прошепталъ опять голосъ; онъ словно испарялся изъ едва шевелившихся губъ. — Да и гдѣ узнать! Я — Лукерья... Помните, что хороводы у матушки у вашей, въ Спасскомъ, водила... Помните, я еще запѣвалой была?

— Лукерья! — воскликнулъ я. — Ты ли это? Возможно ли?

— Я, да, баринъ, — я. Я — Лукерья.

Я не зналъ, что сказать, и какъ ошеломленный глядѣлъ на это темное, неподвижное лицо съ устремленными на меня свѣтлыми и мертвеными глазами. Возможно ли? Эта мумія — Лукерья, первая красавица во всей нашей дворнѣ, — высокая, полная, бѣлая, румяная, — хохотунья, плясунья, пѣвунья! Лукерья, умница Лукерья, за которую ухаживали всѣ наши молодые парни, по которой я самъ втайнѣ взыхалъ, я — шестнадцатилѣтній мальчикъ!

— Помилуй, Лукерья, — проговорилъ я, наконецъ, — что съ тобой случилось?

— А бѣда такая стряслась! Да вы не побрезгуйте, баринъ, не погнушайтесь несчастiemъ моимъ, — сядьте вонъ на кадушечку — поближе, а то вамъ меня не слышно будетъ... вишь, я какая голосистая стала!.. Ну, ужъ и рада же я, что увидала васъ! Какъ это вы въ Алексѣевку попали?

Лукерья говорила очень тихо и слабо, но безъ остановки.

— Меня Ермолай охотникъ сюда завезъ. Но разскажи же ты мнѣ...

— Про бѣду-то мою разскажать? Извольте, баринъ. — Случилось это со мной уже давно, лѣтъ шесть или семь. Меня тогда только что помолвили за Василья Полякова —помните, такой изъ себя статный былъ,

кудрявой — еще буфетчикомъ у матушки у вашей служиль? Да въсъ уже тогда въ деревнѣ не было: въ Москву уѣхали учиться. Очень мы съ Василіемъ слюбились; изъ головы онъ у меня не выходилъ; а дѣло было весною. Вотъ, разъ, ночью... ужъ и до зари недалеко... а мнѣ не спится: соловей въ саду таковѣ удивительно поеть сладко!.. Не вытерпѣла я, встала и вышла на крыльцо его послушать. Заливается онъ, заливается... и вдругъ мнѣ почудилось: зоветъ меня кто-то Васинымъ голосомъ, тихо такъ: Луша! Я глядѣ въ сторону, да знать спросонья — оступилась, такъ прямо съ рундучка и полетѣла внизъ — да ѿ-землю хлопъ! И, кажется, не сильно я расшиблась, потому — скоро поднялась и къ себѣ въ комнату вернулась. Только словно у меня что внутри — въ утробѣ — порвалось... Дайте духъ перевести... съ минуточку... баринъ...

Лукерья умолкла, а я съ изумленіемъ глядѣль на нее. Изумляло меня собственно то, что она разсказъ свой вела почти весело, безъ оховъ и вздоховъ, никакъ не жалуясь и не напрашиваясь на участіе.

— Съ самаго того случая, — продолжала Лукерья: — стала я сохнуть, чахнуть; чернота на меня нашла; трудно мнѣ стало ходить, а тамъ уже — полно и ногами владѣть; ни стоять ни сидѣть не могу; все бы лежала. И ни пить ни Ѣсть не хочется: все хуже да хуже. Матушка ваша, по добротѣ своей, и лѣкаря показывала и въ больницу посыпала. Однако облегченія мнѣ никакого не вышло. И ни одинъ лѣкарь даже сказать не могъ, что за болѣзнь у меня за такая. Чего они со мной только ни дѣлали: желѣзомъ раскаленнымъ спину жгли, въ колотый ледъ сажали — и все ничего. Совсѣмъ я окостенѣла подъ ко-

нецъ... Вотъ и порѣшили господа, что лѣчить меня больше нечего, а въ барскомъ домѣ держать калѣкъ неспособно... ну, и переслали меня сюда — потому, тутъ у меня родственники есть. Вотъ я и живу, какъ видите.

Лукерья опять умолкла и опять силилась улыбнуться.

— Это, однакоже, ужасно, твоё положеніе! — воскликнулъ я. И, не зная, что прибавить, спросилъ: — А что же Поляковъ Василій?

Очень глупъ былъ этотъ вопросъ.

Лукерья отвела глаза немного въ сторону.

— Что Поляковъ? Потужилъ-потужилъ — да и женился на другой, на дѣвушкѣ изъ Глиннаго. Знаете Глинное? Отъ насъ недалече. Аграфеной ее звали. Очень онъ меня любилъ, — да вѣдь человѣкъ молодой — не оставаться же ему холостымъ. И какая ужъ я ему могла быть подруга? А жену онъ нашелъ себѣ хорошую, добрую, — и дѣтки у нихъ есть. Онъ тутъ, у сосѣда, въ приказчикахъ живетъ: матушка ваша по пачпорту его отпустила, и очень ему, слава Богу, хорошо.

— И такъ ты все лжишь да лжишь? — спросилъ я опять.

— Вотъ такъ и лежу, баринъ, седьмой годокъ. Лѣтомъ-то я здѣсь лежу, въ этой плетушкѣ, а какъ холодно станетъ — меня въ предбанникъ перенесутъ. Тамъ лежу.

— Кто же за тобой ходить? Присматриваетъ кто?

— А добрые люди здѣсь есть тоже. Меня не оставляютъ. Да и ходьбы за мной немного. Ъсть-то, почитай, что не ъмъ ничего, а вода — вотъ она, въ кружкѣ-то всегда стоитъ припасенная, чистая, ключевая вода. До кружки-то я сама дотянуться могу: однѣ

рука у меня еще дѣйствовать можетъ. Ну, дѣвочка тутъ есть, сиротка; нѣть, нѣть — да и навѣдается, спасибо ей. Сейчасъ тутъ была... Вы ее не встрѣтили? Хорошенькая такая, бѣленькая. Она цвѣты мнѣ носить; большая я до нихъ охотница, до цвѣтовъ-то. Садовыхъ у насть нѣть, — были да перевелись. Но вѣдь и полевые цвѣты хороши; пахнуть еще лучше садовыхъ. Вотъ хоть бы ландышъ... на что пріятнѣе!

— И не скучно, не жутко тебѣ, моя бѣдная Лукерья?

— А что будешь дѣлать? Лгать не хочу — сперва очень томно было; а потомъ привыкла, обтерпѣлась — ничего; инымъ еще хуже бываетъ.

— Это какимъ же образомъ?

— А у иного и пристанища нѣть! А иной — слѣпой или глухой! А я, слава Богу, вижу прекрасно и все слышу, все. Кротъ подъ землею роется — я и то слышу. И запахъ я всякой чувствовать могу, самый какой ни на есть слабый! Гречиха въ полѣ зацвѣтеть или липа въ саду — мнѣ и сказывать не надо: я первая сейчасъ слышу. Лишь бы вѣтеркомъ бы оттуда потянуло. Нѣть, что Бога гнѣвить? — многимъ хуже моего бываетъ. Хоть бы то взять: иной здоровый человѣкъ очень легко согрѣшить можетъ, а отъ меня самъ грѣхъ отошелъ. Намеднись отецъ Алексѣй, священникъ, сталъ меня причащать, да и говорить: «Тебя, моль, исповѣдывать нечего, — развѣ ты въ твоемъ состоянії согрѣшить можешь?» Но я ему отвѣтила: а мысленный грѣхъ, батюшка? «Ну, говорить, а самъ смѣется, это грѣхъ не великій». Да я, должно-быть, и этимъ самымъ, мысленнымъ грѣхомъ, не больно грѣшила, — продолжала Лукерья: — потому, я такъ себя пріучила:

не думать, а пуще того — не вспоминать. Время скороѣ проходить.

Я, признаюсь, удивился.

— Ты все одна да одна, Лукерья; какъ же ты можешь помѣшать, чтобы мысли тебѣ въ голову не шли? Или ты все спишь?

— Ой, нѣть, баринъ! Спать-то я не всегда могу. Хоть и большихъ болей у меня нѣть, а ноеть у меня тамъ, въ самомъ нутрѣ, и въ костяхъ тоже; не даетъ спать, какъ слѣдуетъ. Нѣть... а такъ, лежу я себѣ, лежу-полеживаю — и не думаю; чую, что жива, дышу — и вся я тутъ. Смотрю, слушаю. Пчелы на пасѣкѣ жужжать да гудятъ; голубь на крышу сядеть и заворкуетъ; курочка-насѣдочка зайдеть съ цыплятами крошечкѣ поклевать; а то воробей залетить или бабочка — мнѣ очень пріятно. Въ позапрошломъ году такъ даже ласточки вонъ тамъ, въ углу, гнѣздо себѣ свили и дѣтей вывели. Ужъ какъ же оно было занято! — Одна влетить къ гнѣздышку — припадеть, дѣтокъ наркомить — и вонъ. Глядишь — ужъ на смѣну ей другая. Иногда не влетить, только мимо раскрытой двери пронесется, а дѣтки тотчасъ — ну пищать да клювы разѣвать... Я ихъ на слѣдующій годъ поджидала, да ихъ, говорять, одинъ здѣшній охотникъ изъ ружья застрѣлилъ. И на что покорыстился? Вся-то она, ласточка, не больше жука... Какие вы, господа охотники, злые!

— Я ласточекъ не стрѣляю, — поспѣшилъ я замѣтить.

— А то разъ, — начала опять Лукерья: — вотъ смѣху-то было! Заяцъ забѣжалъ, право! Собаки, что ли, за нимъ гнались, — только онъ прямо въ дверь какъ прикатить!.. Сѣль близехонько — и долго-таки

сидѣлъ, — все носомъ водилъ и усами дергалъ — настоящій офицеръ! И на меня смотрѣлъ. Понялъ, значитъ, что я ему не страшна. Наконецъ всталъ, прыгъ-прыгъ къ двери, на порогѣ оглянулся — да и былъ таковъ! Смѣшной такой!

Лукерья взглянула на меня... аль, моль, не забавно? Я, въ угоду ей, посмѣялся. Она покусала пересохшія губы.

— Ну, зимою, конечно, мнѣ хуже: потому — темно; свѣтчу зажечь жалко, да и къ чему? Я хоть грамотѣ знаю и читать всегда охота была, но что читать? Книгъ здѣсь нѣть никакихъ, да хоть бы и были, какъ я буду держать ее, книгу-то? Отецъ Алексѣй мнѣ, для разсѣянности, принесъ календарь, да видѣть, что пользы нѣть, взялъ да унесъ опять. Однако хоть и темно, а все слушать есть что: сверчокъ затрещить, али мышь гдѣ скрестись станетъ. — Вотъ тутъ-то хорошо! Не думать! А то я молитвы читаю, — продолжала, отдохнувъ немнога, Лукерья. — Только немнога я знаю ихъ, этихъ самыхъ молитвъ. Да и на что я стану Господу Богу наскучать? О чемъ я Его просить могу? Онъ лучше меня знаетъ, чего мнѣ надобно. Послалъ Онъ мнѣ крестъ — значитъ меня Онъ любить. Такъ намъ вѣрно это понимать. Прочту Отче Нашъ, Богородицу, акаѳистъ Всѣмъ Скорбящимъ, — да и опять полеживаю себѣ безъ всякой думочки. И ничего!

Прошло минуты двѣ. Я не нарушилъ молчанья и не шевелился на узенькой кадушкѣ, служившей мнѣ сидѣніемъ. Жестокая, каменная неподвижность лежавшаго передо мною живого несчастнаго существа сообщилась и мнѣ: я тоже словно оцѣпенѣлъ.

— Послушай, Лукерья, — началъ я, наконецъ. — Послушай, какое я тебѣ предложеніе сдѣлаю. Хочешь,

я распоряжусь: тебя въ больницу перевезутъ, въ хорошую, городскую больницу? Кто знаетъ, быть-можеть, тебя еще вылѣчать? Во всякомъ случаѣ, ты одна не будешь...

Лукерья чуть-чуть двинула бровями.

— Охъ, нѣть, баринъ, — промолвила она озабоченнымъ шепотомъ: — не переводите меня въ больницу, не трогайте меня. Я тамъ только больше муки приму. Ужъ куда меня лѣчить!.. Вотъ такъ-то разъ докторъ сюда пріѣзжалъ; осматривать меня захотѣлъ. Я его прошу: не тревожьте вы меня, Христа ради. Куда! переворачивать меня сталъ, руки, ноги разминалъ, разгиналъ; говорить: это я для учености дѣлаю; на то я служащій человѣкъ, ученый! Потормошилъ, потормошилъ меня, назвалъ мнѣ мою болѣзнь — мудрено таковѣ — да съ тѣмъ и уѣхалъ. А у меня потомъ цѣлую недѣлю всѣ косточки ныли. Вы говорите: я одна бываю, всегда одна. Нѣть, не всегда. Ко мнѣ ходять. Я смирная — не мѣшаю. Дѣвушки крестьянскія зайдутъ, поговорятъ; странница забредетъ, станетъ про Іерусалимъ разсказывать, про Киевъ, про святые города. Да мнѣ и не страшно одной быть. Даже лучше, ей-ей!.. Баринъ, не трогайте меня, не возите въ больницу... Спасибо вамъ, вы добрый, только не трогайте меня, голубчикъ.

— Ну, какъ хочешь, какъ хочешь, Лукерья. Я вѣдь для твоей же пользы полагалъ...

— Знаю, баринъ, что для моей пользы. Да, баринъ, милый, кто другому помочь можетъ? Кто ему въ душу войдетъ? Самъ себѣ человѣкъ помогай! Вы вотъ не повѣрите — а лежу я иногда такъ-то одна... и словно никого въ цѣломъ свѣтѣ, кромѣ меня, нѣту. Только одна я — живая! И чудится мнѣ, будто что меня осѣ-

нить... Возьметь меня размышленіе — даже удивительное!

— О чемъ же ты тогда размышляешь, Лукерья?

— Этого, баринъ, тоже никакъ нельзя сказать: не растолкуешь. Да и забывается оно потомъ. Придеть словно какъ тучка, прольется, свѣжо такъ, хорошо станетъ, а что такое было — не поймешь! Только думается мнѣ: будь около меня люди — ничего бы этого не было и ничего бы я не чувствовала, окромя своего несчастья.

Лукерья вздохнула съ трудомъ. Грудь ей не повиновалась — такъ же, какъ и остальные члены.

— Какъ погляжу я, баринъ, на васъ, — начала она снова: — очень вамъ меня жалко. А вы меня не слишкомъ жалѣйте, право! Я вамъ, напримѣръ, что скажу: я иногда и теперь... Вы вѣдь помните, какая я была въ свое время веселая? Бой-дѣвка!.. такъ знаете что? Я и теперь пѣсни пою.

— Пѣсни?.. Ты?

— Да, пѣсни, старыя пѣсни, хороводныя, подблюдныя, святочныя, всякія! Много я ихъ вѣдь знала и не забыла. Только вотъ плясовыхъ не пою. Въ теперешнемъ моемъ званіи — оно не годится.

— Какъ же ты поешь ихъ... про себя?

— И про себя и голосомъ. Громко-то не могу, а все — понять можно. Вотъ, я вамъ сказывала — дѣвочка ко мнѣ ходить. Сиротка, значитъ, понятливая. Такъ вотъ я ее выучила; четыре пѣсни она уже у меня переняла. Аль не вѣрите? Постойте, я вамъ сейчасъ...

Лукерья собралась съ духомъ... Мысль, что это полумертвое существо готовится запѣть, возбудила во мнѣ невольный ужасъ. Но прежде, чѣмъ я могъ про-

молвить слово, — въ ушахъ моихъ задрожалъ протяжный, едва слышный, но чистый и вѣрный звукъ... Занимъ послѣдовалъ другой, третій. Она пѣла, не измѣнивъ выраженія своего окаменѣлого лица, уставивъ даже глаза. Но такъ трогательно звенѣлъ этотъ бѣдный, усиленный, какъ струйка дыма колебавшійся голосокъ, такъ хотѣлось ей всю душу вылить... Уже не ужасъ чувствовалъ я: жалость несказанная стиснула мнѣ сердце.

— Охъ, не могу! — проговорила она вдругъ: — си-
лушки не хватаетъ... Очень ужъ я вамъ обрадовалась.

Она закрыла глаза.

Я положилъ руку на ея крошечные, холодные пальчики... Она взглянула на меня — и ея темныя вѣки, опущенные золотистыми рѣсницами, какъ у древнихъ статуй, закрылись снова. Спустя мгновенье, они заблистили въ полутьмѣ... Слеза ихъ смочила.

Я не шевелился попрежнему

— Экая я! — проговорила вдругъ Лукерья съ неожиданной силой и, раскрывъ широко глаза, постаралась смигнуть съ нихъ слезу. — Не стыдно ли? Чего я? Давно этого со мной не случалось... съ самаго тогодня, какъ Поляковъ Вася у меня былъ, прошлой весной. Пока онъ со мной сидѣлъ да разговаривалъ — ну, ничего; а какъ ушелъ онъ — поплакала я-таки въ одиночку! Откуда бралось!.. Да вѣдь у нашей сестры слезы не купленныя. — Баринъ, — прибавила Лукерья: — чай, у васъ платочекъ есть... Не побрезгуйте, утрите мнѣ глаза.

Я поспѣшилъ исполнить ея желаніе — и платокъ ей оставилъ. Она сперва отказывалась... на что, моль, мнѣ такой подарокъ? Платокъ былъ очень простой, но чистый и бѣлый. Потомъ она схватила его своими слабыми

пальцами и уже не разжала ихъ болѣе. Привыкнувъ къ темнотѣ, въ которой мы оба находились, я могъ ясно различить ея черты, могъ даже замѣтить тонкій румянецъ, пропустившій сквозь бронзу ея лица, могъ открыть въ этомъ лицѣ, — такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ казалось, — слѣды его бывалой красоты.

— Вотъ вы, баринъ, спрашивали меня, — заговорила опять Лукерья: — сплю ли я? Сплю я, точно, рѣдко, но всякой разъ сны вижу, — хорошие сны! Никогда я больной себя не вижу: такая я всегда во снѣ здоровая да молодая... Одно горе: проснусь я — потянуться хочу хорошенько — ань, я вся какъ скована. Разъ мнѣ какой чудный сонъ приснился! Хотите, разскажу вамъ? — Ну, слушайте. — Вижу я, будто сижу я этакъ на большой дорогѣ подъ ракитой, палочку держу остроганную, котомка за плечами и голова платкомъ окутана — какъ есть странница! И итти мнѣ куда-то далеко-далеко, на богомолье. И проходятъ мимо меня все странники; идуть они тихо, словно нехотя, все въ одну сторону; лица у всѣхъ унылые, и другъ на дружку всѣ очень похожи. И вижу я: вѣтается, мечется между ними одна женщина, цѣлой головой выше другихъ, и платье на ней особенное, словно не наше, не русское. И лицо тоже особенное, постное лицо, строгое. И будто всѣ другіе отъ нея сторонятся; а она вдругъ верть — да прямо ко мнѣ. Остановилась и смотрѣть; а глаза у ней, какъ у сокола, желтые, большие и свѣтлые-пресвѣтлые. И спрашиваю я ее: кто ты? — А она мнѣ говорить: «Я смерть твоя». Мнѣ чтобы испугаться, а я, напротивъ, рада-радехонька, крещусь! И говорить мнѣ та женщина, смерть моя: «Жаль мнѣ тебя, Лукерья, — но взять я тебя съ собой не могу. Прощай!» Господи! какъ мнѣ тутъ

грустно стало!.. Возьми меня, говорю, матушка, голубушка, возьми! — И смерть моя обернулась ко мнѣ, стала мнѣ выговаривать... Понимаю я, что назначаетъ она мнѣ мой часъ, да непонятно такъ, неявственно... Послѣ, молъ, Петровокъ... Съ этимъ я проснулась... Такіе-то у меня бываютъ сны удивительные!

Лукерья подняла глаза кверху... задумалась...

— А то еще видѣла я сонъ, — начала она снова: — а быть-можеть, это было мнѣ видѣніе — я ужъ и не знаю. Почудилось мнѣ, будто я въ самой этой илетушкѣ лежу и приходить ко мнѣ мои покойные родители — батюшка да матушка — и кланяются мнѣ низко, а сами ничего не говорятъ. И спрашиваю я ихъ: зачѣмъ вы, батюшка и матушка, мнѣ кланяетесь? «А затѣмъ, говорять, что такъ какъ ты на семъ свѣтѣ много мучишься, то не одну ты свою душеньку облегчила, но и съ нась большую тягу сняла. И намъ на томъ свѣтѣ стало много способнѣе. Со своими грѣхами ты уже покончила, теперь наши грѣхи побѣждаешь». И сказавши это, родители мнѣ опять поклонились — и не стало ихъ видно: однѣ стѣны видны. Очень я потомъ сомнѣвалась, что это такое со мною было. Даже батюшкѣ на духу разсказала. Только онъ такъ полагаетъ, что это было не видѣніе, потому что видѣнія бываютъ одному духовному чину. Только вотъ бѣда моя: случается, цѣля недѣля пройдетъ, а я не засну ни разу. Въ прошломъ году барыня одна проѣзжала, увидѣла меня, да и дала мнѣ скляночку съ лѣкарствомъ противъ безсонницы; по десяти капель приказала принимать. Очень мнѣ помогало, и я спала; только теперь давно та скляночка выпита... Не знаете ли, что это было за лѣкарство и какъ его получить?

Проѣзжая барыня, очевидно, дала Лукерьѣ опіума. Я обѣщался доставить ей такую скляночку и опять-таки не могъ не подивиться вслухъ ея терпѣнію.

— Эхъ, баринъ! — возразила она. — Что вы это? Какое такое терпѣніе? Воть Симеона Столпника терпѣніе было, точно, великое: тридцать лѣтъ на столбу простоялъ! А другой угодникъ себя въ землю зарыть велѣлъ по самую грудь, и муравьи ему лицо ъли...

Помолчавъ немногого, я спросилъ Лукерью: сколько ей лѣтъ?

— Двадцать восемь... али девять... Тридцати не будетъ. — Да что ихъ считать, года-то! Я вамъ еще вотъ что доложу...

Лукерья вдругъ какъ-то глухо кашлянула, охнула...

— Ты много говоришь, — замѣтилъ я ей: — это можетъ тебѣ повредить.

— Правда, — прошептала она едва слышно: — разговоркѣ нашей конецъ; да куда ни шло! Теперь, какъ вы уѣдете, намолчусь я вволю. По крайности душу отвела...

Я стала прощаться съ нею, повторилъ ей мое обѣщаніе прислать ей лѣкарство, попросилъ ее еще разъ хорошенько подумать и сказать мнѣ — не нужно ли ей чего?

— Ничего мнѣ не нужно; всѣмъ довольна, слава Богу, — съ величайшимъ усилиемъ, но умиленно произнесла она. — Дай Богъ всѣмъ здоровья! А вотъ вамъ бы, баринъ, матушку вашу уговорить — крестьяне здѣшніе бѣдные — хоть бы малость оброку съ нихъ она сбавила! Земли у нихъ недостаточно, угодій нѣтъ... Они бы за васъ Богу помолились... А мнѣ ничего не нужно, — всѣмъ довольна.

Я далъ Лукерьѣ слово исполнить ея просьбу, и подхodилъ уже къ дверямъ... она позвала меня опять.

— Помните, баринъ, — сказала она, и чудное что-то мелькнуло въ ея глазахъ и на губахъ: — какая у меня была коса? Помните — до самыхъ колѣнъ! Я долго не рѣшалась... Этаکie волосы!.. Но гдѣ же ихъ было расчесывать? Въ моемъ-то положеніи!.. Такъ ужъ я ихъ и обрѣзала... Да... Ну, простите, баринъ! Больше не могу...

Въ тотъ же день, прежде чѣмъ отправиться на охоту, былъ у меня разговоръ о Лукерьѣ съ хуторскимъ десятскимъ. Я узналъ отъ него, что ее въ деревнѣ называли «Живыя Мощи», что, впрочемъ, отъ нея никакого не видать беспокойства: ни ропота отъ нея не слыхать ни жалобъ. «Сама ничего не требуетъ, а, напротивъ, за все благодарна; тихоня, какъ есть тихоня, такъ сказать надо».

Нѣсколько недѣль спустя я узналъ, что Лукерья скончалась. Смерть пришла-таки за ней... и «послѣ Петровокъ». Разсказывали, что въ самый день кончины она все слышала колокольный звонъ, хотя отъ Алексѣевки до церкви считаютъ пять верстъ слишкомъ и день былъ будничный. Впрочемъ, Лукерья говорила, что звонъ шелъ не отъ церкви, а «сверху». Вѣроятно, она не посмѣла сказать: съ неба.

И. С. Тургеневъ.

7-е октября.

Можно не называть Бога, избѣгать этого слова, но не признавать Его существованія нельзя. Ничего нѣтъ, если Его нѣтъ.

1.

Все, что я знаю, я знаю потому, что есть Богъ, и я знаю Его.

Только на этомъ можно основаться твердо и въ отношенияхъ къ людямъ, и къ себѣ, и къ внѣземной и внѣвременной жизни. Я не только не нахожу этого мистичнымъ, но нахожу, что противоположный взглядъ есть мистицизмъ, а что это одна самая понятная и всѣмъ доступная реальность. На вопросъ: что такое Богъ? я отвѣщаю такъ: Богъ — это бесконечное, все, чего я сознаю себя частью.

Богъ для меня — это то, къ чему я стремлюсь, то, въ стремлениіи къ чему состоитъ моя жизнь, и которое поэтому и есть для меня; но есть непремѣнно такое, чего я понять, назвать не могу. Если бы я Его понялъ, я бы дошелъ до Него, и стремиться бы некуда было и жизни бы не было.

Не могу понять и назвать Его, а вмѣстѣ съ тѣмъ знаю Его, знаю направленіе къ Нему и даже изъ всѣхъ моихъ знаній это самое достовѣрное. Мнѣ всегда страшно, когда я безъ Него; а только тогда не страшно, когда я съ Нимъ.

2.

Религіозныя дѣйствія, вытекающія изъ себялюбивыхъ цѣлей, какъ молитвы о дождѣ или жертва для награды въ будущемъ мірѣ, всегда корыстны, и только поступокъ, совершенный вслѣдствіе познанія Бога, достоинъ Его.

Признавая высшій разумъ во всѣхъ существахъ и вещахъ, истинный вѣрующій приносить въ жертву свой умъ, направляя его къ духу Божьему, и прибли-

жается къ природѣ Того, Кто свѣтить своимъ собственнымъ свѣтомъ.

Пусть каждый внимательно разматриваетъ природу, видимую и невидимую, какъ существующую въ божественномъ разумѣ; потому что, созерцая безконечный міръ въ божественномъ разумѣ, онъ не можетъ уже отдаваться злымъ помысламъ.

Законы Ману.

3.

Когда я говорю тебѣ о Богѣ, то ты не думай, что я говорю тебѣ о какомъ-нибудь предметѣ, сдѣланномъ изъ золота или серебра. Тотъ Богъ, о Которомъ я тебѣ говорю, — ты Его чувствуешь въ своей душѣ. Ты носишь Его въ самомъ себѣ, и своими нечистыми помыслами и отвратительными поступками оскверняешь Его образъ въ твоей душѣ. Передъ идоломъ золотымъ, котораго ты почитаешь за Бога, ты осторегаешься дѣлать что-либо непристойное, а передъ лицомъ Того Бога, Который въ тебѣ самомъ и Который все видѣть и слышитъ, ты даже не краснѣешь, когда предаешься своимъ гнуснымъ мыслямъ и поступкамъ.

Если бъ только мы постоянно помнили, что Богъ въ насъ — свидѣтель всего того, что мы дѣлаемъ и думаемъ, то мы перестали бы грѣшить, и Богъ неотлучно пребывалъ бы въ насъ. Давайте же вспоминать Бога, думать и бесѣдоватъ о Немъ какъ можно чаще.

Эпиктетъ

4.

Богъ — не идолъ, которому нужно молиться и льстить; Богъ — идеалъ, который долженъ воплощать человѣка въ своей повседневной жизни.

Люси Малори.

5.

Не тогда, когда я иду къ Нему, но именно тогда, когда я отворачиваюсь оть Него, оставляю Его, — именно тогда я признаю то, что Богъ есть. Я говорю «Богъ», но не знаю навѣрное, такъ ли я называю. Вы поймете, что я разумѣю.

Т о р о.

6.

Къ Богу никогда не надо ходить нарочно: «Дай я пойду къ Богу, стану жить по-Божи. Жиль по-дьявольски, дай поживу по-Божи, попробую, авось не бѣда»... Это бѣда, и большая. Къ Богу, въ родѣ того, какъ жениться, надо итти только тогда, когда и радъ бы не пойти и радъ бы не жениться, да не могу... И потому всякому не то, что скажу: иди въ соблазны нарочно; а тому, кто такъ поставить вопросъ: «А что, не прогадаю ли, если пойду не къ чорту, а къ Богу?» закричу во все горло: «Иди, иди къ чорту, непремѣнно къ чорту!» Во сто разъ лучше обжечься хорошенъко на чортѣ, чѣмъ стоять на распутьѣ или лицемѣрно итти къ Богу.

7.

Если человѣкъ и не знаетъ, что онъ дышитъ воздухомъ, онъ знаетъ, что лишается чего-то, когда задыхается. То же и съ человѣкомъ, лишившимся Бога, хотя бы онъ и не признавалъ Его.

Помнить Бога — великое дѣло. Не словами поминать Еgo, но жить такъ, какъ будто Онъ слѣдитъ за каждымъ моимъ поступкомъ, осуждая или одобряя. Русскіе крестьяне говорятъ: или ты Бога забылъ?

8-е октября.

Только люди, никогда не думавшие о главныхъ и существенныхъ вопросахъ жизни, могутъ думать и говорить, что все доступно человѣческому разуму.

1.

Люди бываютъ трехъ родовъ: одни не вѣрятъ ни во что, чего нельзя выразить ясными словами; другие вѣрятъ только въ тѣ ученія, въ которыхъ они воспитаны; трети вѣрятъ въ тотъ законъ, который они сознаютъ въ своемъ сердцѣ. Такие люди самые разумные и самые твердые. Тѣ люди, которые вѣрятъ въ тѣ ученія, въ которыхъ родились, менѣе разумные и менѣе твердые, но все-таки не лишены главнаго человѣческаго свойства: признавать нѣчто высшее, непостижимое, требующее отъ насъ доброй жизни. Баба, призывающая Бога, даже Николая Чудотворца, какъ нѣчто высшее, духовное, требующее самоотверженія, добрыхъ дѣлъ, ближе къ истинѣ, чѣмъ люди первого рода, не признающіе ничего непостижимаго разсужденіемъ.

2.

Всѣ начала — тайны; причина всякой индивидуальной или коллективной жизни — тайна, т.-е. нѣчто неподдающееся разуму, неизъяснимое, неопределенное. Однимъ словомъ, всякая индивидуальность есть неразрѣшимая загадка, и никакое начало не можетъ быть объяснено. Въ самомъ дѣлѣ, все то, что сдѣлалось, объясняется прошедшимъ, но начало чего бы то ни было не сдѣлалось. Оно представляетъ всегда начальное чудо тво-

ренія, потому что оно не есть слѣдствіе чего-либо другого: оно является только между прежними вещами, которые составляютъ ему среду, случай, обстановку, которые сопутствуютъ его появленію. Само же появление остается непонятно.

А м і е ль.

3.

Благодаря твоему превосходному воспитанію, ты можешь измѣрять круги и квадраты и всѣ разстоянія между звѣздами. Все стало достижимо для твоей геометріи. Если ты такой прекрасный механикъ, измѣрь же умъ человѣческій. Скажи мнѣ, какъ онъ великъ или какъ онъ малъ. Ты знаешь, что такое прямая линія. Какая тебѣ въ этомъ польза, если ты не знаешь прямого пути въ жизни. Всѣ свободныя науки оказываются несостоятельны для наученія добродѣтели. Если онѣ и пригодны для чего другого, для добродѣтели онѣ ничего не стоять. Онѣ не приводятъ умъ къ добродѣтели: онѣ лишь расчищаютъ путь.

С е н е к а.

4.

Тайна жизни растенія — такая же, какъ тайна нашей жизни, и физіологъ напрасно надѣется объяснить ее механическимъ закономъ такъ же, какъ онъ объясняетъ машину, которую самъ сдѣлалъ. Мы не должны щупать пальцами святую святыхъ жизни животной или даже растительной. Дѣлая это, мы ничего не откроемъ, кроме виѣшности.

Т о р о.

5.

Вещь, которую мы видимъ черезъ микроскопъ и телескопъ, становится незначительной.

Т о р о.

6.

Большая библиотека скорѣе разсѣваетъ, чѣмъ по-
учаетъ читателя. Гораздо лучше ограничиться нѣ-
сколькими авторами, чѣмъ необдуманно читать многихъ.

Сенека.

*Лучше не знать многаго изъ того, что можно
знать, чѣмъ пытаться познавать то, что не
можетъ быть познано.*

*Ничто такъ не разращаетъ и не ослабляетъ
умственной силы и не возбуждаетъ такъ само-
омнѣнія, какъ витаніе въ областяхъ непознава-
емаго. Хуже всего притворяться, что понимаешь
то, чего не понимаешь*

9-е октября.

Тотъ, кто перенесъ сознаніе своей жизни въ свое
духовное «я», не можетъ испытать зла ни въ жизни
ни въ смерти.

1.

Та материальная форма, въ которой застаетъ нась
въ этомъ мірѣ пробужденіе нашего сознанія истинной
жизни, представляетъ какъ бы предѣлы, ограничивающіе
наше духовное существо.

Матерія есть предѣль духа. Истинная же жизнь
есть постепенное разрушеніе этого предѣла, кончаю-
щееся полнымъ разрушеніемъ, полнымъ освобожде-
ніемъ — смертью. Такое пониманіе жизни даетъ человѣку
полное спокойствіе и въ жизни и въ смерти.

2.

Куда бы судьба тебя ни забросила, всюду съ тобою твоя сущность, твой духъ, средоточіе жизни, свободы и силы, когда онъ вѣренъ закону бытія своего. Нѣть въ мірѣ виѣшнихъ благъ или величія, для которыхъ стоило бы человѣку нарушать единеніе свое съ духомъ, расторгать свой союзъ съ нимъ и подрывать цѣльность своей души внутреннимъ разладомъ съ самимъ собою.

Укажи, что могъ бы ты купить цѣною такой жертвы?

Маркъ Аврелій.

3.

Человѣка иногда томить, радуетъ живо-сознанная имъ страшная противоположность между чѣмъ-то безконечно-великимъ и всемогущимъ, которое онъ признаетъ въ себѣ, и чѣмъ-то узкимъ и слабымъ, которое онъ чувствуетъ въ себѣ же.

4.

Рожденное отъ плоти есть плоть, а рожденное отъ Духа есть духъ.

Не удивляйся тому, что Я сказалъ тебѣ: должно вамъ родиться свыше.

Духъ дышитъ, гдѣ хочетъ и голосъ его слышишь, а не знаешь, откуда приходитъ и куда уходитъ: такъ бываетъ со всяkimъ, рожденнымъ отъ Духа.

Ин. гл. 3, ст. 6–8.

5.

По многимъ соображеніямъ душа добрыхъ людей представляется мнѣ божественной и вѣчной, но, главнымъ образомъ, потому, что душа лучшихъ и мудрѣй-

шихъ людей такъ переносится въ будущее состояніе, что кажется, будто всѣ ея мысли сосредоточены на вѣчности.

Цицеронъ.

6.

Только дѣятельное, нравственное, духовное, глубокое и религіозное сознаніе придаетъ жизни все ея достоинство и энергію. Оно дѣлаетъ неуязвимымъ и непобѣдимымъ. Землю можно побѣдить только именемъ Неба. Всѣ блага даются, кромѣ того, тому, кто ищетъ только мудрости. Только тогда бываешь сильнѣе всего, когда вполнѣ безкорыстенъ, и міръ у ногъ того, кого онъ не можетъ обольстить. Почему? Потому что духъ властвуетъ надъ матеріей, и міръ принадлежитъ Богу. «Мужайтесь,— сказалъ небесный голосъ,— я побѣдилъ міръ».

Боже, дай силы слабымъ, желающимъ добра!

Аміаль.

7.

Есть одинъ высшій разумъ, превосходящій всѣ человѣческіе умы. Онъ далекъ и близокъ. Онъ выше всѣхъ міровъ и вмѣстѣ съ тѣмъ проникаетъ во все существующее.

Человѣкъ, который видитъ, что всѣ вещи содержатся въ высшемъ духѣ, и что высшій духъ проникаетъ всѣ существа, не можетъ относится съ презрѣніемъ ни къ каждому существу.

Для того, для кого всѣ духовныя существа одинаковы съ высшимъ, не можетъ быть мѣста для заблужденія или для печали.

Тѣ, кто исполняютъ одни обряды, находятся въ густомъ мракѣ, но тѣ кто предаются только безплод-

нымъ размышленіямъ о высшемъ разумѣ, находятся въ еще большей темнотѣ.

Упанишада изъ Веды.

8.

Богъ притягиваетъ тѣхъ, которые хотятъ подняться до Него, и потому неудивительно, что человѣкъ стремится къ Богу. Богъ идетъ къ людямъ, входитъ въ людей. Нѣть ни одной души, которая была бы хороша безъ Бога.

Цидеронъ.

Спасеніе отъ всего — это сознаніе своей духовности. Что бы ни случилось съ человѣкомъ, сознающимъ свою духовность, зло не можетъ коснуться его.

10-е октября.

Человѣкъ, какъ животное, не можетъ не противиться смерти; какъ духовное же существо, онъ не знаетъ смерти и потому не можетъ ни противиться смерти ни желать ея.

1.

Причина, почему представлениe о смерти не оказываетъ того дѣйствія, какое оно могло бы оказать, заключается въ томъ, что мы по своей природѣ, въ качествѣ дѣятельныхъ существъ, по-настоящему совсѣмъ не должны думать о ней.

Кантъ.

2.

Жизнь не имѣеть ничего общаго со смертью. Поэтому-то, вѣроятно, никогда не оставляетъ насъ смутная надежда, затемняющая разумъ и заставляющая сомнѣваться въ вѣрности нашего знанія о неизбѣжности смерти. Жизнь стремится упорствовать въ бытіи. Она повторяетъ, какъ попугай въ баснѣ, даже вѣту минуту, когда его душатъ: «Это, это ничего!»

А м і е ль.

3.

Въ послѣднія предсмертныя минуты духовное начало оставляетъ тѣло и, оставляя его, соединяется ли съ безвременнымъ, въпространственнымъ началомъ всего или переходитъ въ другую, опять ограниченную форму, мы не знаемъ, знаемъ только то, что вслѣдствіе смерти тѣло остается тѣмъ, чтобъ живило его, и становится только предметомъ наблюденія.

4.

Смерть есть перемѣна или исчезновеніе предмета сознанія. Само же сознаніе такъ же мало можетъ быть уничтожено смертью, какъ перемѣна зрелища можетъ уничтожить зрителя.

5.

Ты пришелъ въ эту жизнь, самъ не зная, какъ, но знаешь, что пришелъ тѣмъ особеннымъ я, которое ты есть, потомъ шелъ, шелъ, дошелъ до половины и вдругъ не то обрадовался, не то испугался и уперся и не хочешь двинуться съ мѣста, итти дальше, потому что не видишь того, чѣмъ тамъ. Но вѣдь ты не видаль тоже